

RU

Арт-эскейп в повести С. Суловой «Предзвездный полет стрекозы»: опыт личностной и креативной стратегии

Савина М. С.

Аннотация. Цель исследования – выявление индивидуально-авторской специфики реализации стилистического приема «эскапизм» в автобиографической повести классика русской литературы Кыргызстана С. Суловой. В статье изучены композиционно-содержательные элементы текста, репрезентирующие автобиографический сюжет повести. Проведен анализ художественных средств и приемов создания автобиографического образа главной героини: автопсихологизм, диалектика души, образ исторического времени и пространства, реалистический и достоверный хронотоп. Изучены параллели схождения и взаимодополнения образа героини в прозаическом сюжете и лирической героини в поэтических вставках. Выявлены имена прецедентных исторических личностей, послуживших прототипами галереи образов-персонажей. Научная новизна исследования состоит в том, что в ходе аналитического изучения была рассмотрена функция стилистического приема «эскапизм» в нарративной структуре повести. Классифицированы средства создания эскапистского нарратива фэнтезийного мира повести, такие как использование квазитерминологии, архаичная лексика, элементы фольклорных мотивов и жанров. В результате исследования установлено, что прием эскапизма послужил возможностью выйти за рамки мемуарно-биографического романа, расширил набор художественных средств и приемов создания образа духовного мира автора и стал для нее способом саморефлексии, стратегией психологического принятия и концептуализации личной биографии и аутомифологизации личности.

EN

Art-escape in the novella “The Predawn Flight of the Dragonfly” by S. Suslova: The use of a personal and creative strategy

M. S. Savina

Abstract. The study aims to identify the individual-authorial specifics of implementing the stylistic device of escapism in an autobiographical novella by the classic of Kyrgyz Russian literature S. Suslova. The article examines the compositional and content-related elements of the text that represent the autobiographical plot of the novella. The researcher analyzes the expressive means and techniques used to create the autobiographical image of the main character: auto-psychologism, the dialectic of the soul, the image of historical time and space, and the realistic and authentic chronotope. The study examines the parallels of convergence and mutual complementarity of the heroine’s image in the prose plot and the persona in the poetic inserts. The names of precedent historical figures who served as prototypes for the gallery of character images are identified. The scientific originality of the research lies in the fact that, through analytical study, the function of the stylistic device of escapism in the narrative structure of the novella was examined. The means of creating an escapist narrative of the novella’s fantasy world are classified, such as the use of quasi-terminology, archaic vocabulary, and the elements of folklore motifs and genres. The research has found that the device of escapism provided an opportunity to go beyond the framework of the memoir-biographical novel, expanded the set of expressive means and techniques for creating the image of the author’s spiritual world, and became a way of self-reflection for her, a strategy for psychological acceptance and conceptualization of her personal biography and self-mythologization.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью всестороннего изучения текстов современной русской литературы, созданных вне пределов культурно-языкового пространства России. Исследование

специфических индивидуально-авторских художественных приемов и средств автобиографической повести классика русской литературы Кыргызстана, одного из знаковых поэтов Среднеазиатского континуума русского мира, послужит выявлению актуального состояния и ключевых тенденций русской литературы в Кыргызстане. Аналитическое изучение автобиографического текста современного автора дает возможность сформулировать типологический портрет поколения русских людей, оказавшихся вне пределов материковой культуры и создать концептуальное представление о его ценностной иерархии. На материале анализа художественной функции приема эскапизма в повести С. Суловой «Предрасветный полет стрекозы» выявлена специфика кризисной и личностной стратегии в автобиографическом тексте.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить достоверность художественного времени и пространства;
- выявить сюжетно-содержательные схождения в образе героини и автора;
- определить реальные прототипы, послужившие основой создания галереи образов-персонажей;
- провести анализ художественных приемов фэнтезийных эпизодов, классифицировать приемы поэтики фэнтези;
- определить функцию художественного эскапизма в автобиографическом повествовании.

Материалом исследования послужила повесть С. Суловой «Предрасветный полет стрекозы», в которую вошли фрагменты самоцитирования автором ее предшествующих поэтических произведений:

- Сулова С. Предрасветный полет стрекозы. Бишкек, 2010.

Теоретическую базу исследования составили работы в области теории творчества, психологии и изучения эскапизма в комплексе антропологических исследований. Побег от реальности в выдуманный, сказочный мир в современном комплексе гуманитарных наук определяется как «эскапизм» – от англ. “escape” – уходить, бежать от реальности. Эскапизм рассматривается как реакция человеческого сознания на поиск решения проблемы смысла, выбора и жизненной реализации. Уход от реальности как один из возможных «вариантов жизни» анализирует выдающийся отечественный психолог В. Н. Дружинин (2010). Литературное творчество, которое по своей природе является неким «побегом в мир грез», может служить примером воплощения функций эскапизма – компенсаторной, адаптационной, протестной, релаксационной (Белов, 2017). Писатель не ставит цель создать реалистический мир, у него другой мотив: «Доходящая до трансцендентности, ирреальность утопического идеала дает несчастному сознанию автора возможность инверсии – достижения счастья в вымышленном, лишенном изъянов альтернативном по отношению к “дурной” действительности вымышленном мире (курсив наш. – М. С.)» (Фусу, 2020, с. 19). Стоит отметить, что эскапизм признается современной психологической наукой как неотъемлемая способность человеческой личности, направленная на психологическую адаптацию в затруднительных условиях конфликта эмоционально-ценностного восприятия (Труфанова, 2012). Осмысление защитной стратегии принятия, осознания, адаптации и аутомифологизации автобиографической личности автора коррелируется с утверждением о том, что «эскапизм выступает как онтологическая практика “убегания” от мира повседневности и рутины, а с другой стороны, четко манифестирует наличие пережитой травматической ситуации с последствиями различной силы» (Цветкова, 2023, с. 510). М. В. Каплун отметила одну из характерных интенций «женского письма», получающую свою реализацию в эскапизме, «дающем мнимую передышку от гнетущей действительности, довлеющей патриархальности и символизирующем возвращение к целостности своего внутреннего мира» (2023, с. 106). Поэтика жанра фэнтези анализируется с позиций Дж. Р. Р. Толкиена (2003), выраженных им в эссе «О волшебных сказках».

Для проведения анализа художественной функции приема эскапизма в автобиографическом тексте была определена композиционно-содержательная классификация двух параллельных сюжетов в повести. Первый сюжет, разворачивающийся в реалистически достоверном хронотопе, повествует о жизненных коллизиях героини по имени Славка, являющейся внешним двойником автора. Второй сюжет – о жизни героини по имени Веста, в нем создается образ духовной личности автора. Классифицированы приемы жанра фэнтези. Выявлена триединая общность Автор-Славка-Веста, обозначены элементы совпадений личной биографии автора и ее героинь. Сравнительно-сопоставительный метод дал основание выявить художественную функцию приема эскапизма в опыте личностной концептуализации и в кризисной стратегии С. Суловой.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике преподавания русской литературы, при разработке и чтении теоретических и практических курсов по современной русской литературе, русской литературе Кыргызстана, дисциплинам по поэтике художественного творчества и практикумам поэтического мастерства. Кроме того, представленный в статье опыт изучения автобиографического текста С. Суловой может использоваться в качестве материала при изучении творчества известных писателей и поэтов Кыргызстана, послуживших прототипами персонажей повести.

Обсуждение и результаты

Имя Светланы Суловой (Токомбаевой) является одним из известнейших в литературном пространстве Кыргызстана на протяжении уже более полувека. Поэтический дебют С. Суловой состоялся в 1973 году на страницах легендарного журнала «Литературный Кыргызстан». Ее оригинальное поэтическое творчество и выполненные ею поэтические переводы выдающихся кыргызских поэтов XX века – Алыкула Осмонова, Аалы Токомбаева, Сатин Абдыкеримовой, Майрамкан Абылкасымовой – вошли в фонд литературной классики Кыргызстана.

Первым прозаическим произведением признанного мастера поэтического слова стала повесть «Предрасветный полет стрекозы», опубликованная С. Суловой в 2010 г. В предисловии «К читателю» автор указывает: «Эта книга была написана тринадцать лет назад в деревенской глуши близ захолустного американского городка Хадсона» (Сулова, 2010, с. 2).

Место, которое автор называет «деревенской глушью», обозначено на последней странице повести – “USA, v. Art/Omi, Ledig House, 1997 year” (Сулова, 2010, с. 257). Реалистичность и достоверность художественного хронотопа, указанного в предисловии и в финальной подписи повести подтверждается в результате небольшого исследования, предприняв которое выясняем: Art Omi представляет собой резиденцию современного искусства, расположенную в округе Колумбия, штат Нью-Йорк. Здесь находится парк скульптур и архитектуры площадью 120 акров. Резиденция Art Omi предлагает программы резидентуры для художников, писателей, танцоров, музыкантов и архитекторов со всего мира. Среди выпускников этой творческой резиденции, наряду с другими современными авторами из разных стран, значится русский писатель Михаил Шишкин, автор романов «Письмовник», «Взятие Измаила» (Alumni Directory ART OMI. 2008. <https://artomi.org/residencies/writers>). Итак, топика, заявленная как «американское Болдино», реалистична и достоверна, однако необходимо отметить, что на сайте ART OMI в списке выпускников резиденции 1997 года имя С. Суловой (Токомбаевой) отсутствует, что может служить указанием на возможную литературную мистификацию. Прием литературной мистификации используется автором с целью подтвердить достоверность хронотопа и усилить реалистичность сюжета.

Повествование, где главная героиня – Славка, построено от имени автора-повествователя. Заявленное на последней странице текста место создания повести – Ледиг Хаус – возникает в качестве реалистической топики в композиционном элементе завязки повествования и в его финале. Мир реалистического хронотопа представлен в двух локациях – Америка и Киргизия. Героиня «выиграла литературный конкурс <...> приехала из своей разрушенной перестройкой и внезапной независимостью Киргизии в благоустроенные Соединенные Штаты почти на два месяца: творить новые опусы на полном обеспечении спонсоров» (Сулова, 2010, с. 4).

Американская столица встретила Славку соленым океанским ветром, музеем Метрополитен, Брайтоном, Гудзоном. Нарративная ткань прозаического текста перебивается поэтическими строками, записанными в строчку, строфически никак не выделенными. Визуально поэтические вставки заключены в кавычки и выделены курсивом. Стихотворный текст выделяется насыщенной метафоричностью, выступая эмоционально-образным элементом текста. Смешение прозаического текста с поэтическими фрагментами, в которых ярко выражен образ лирической героини, создает повышенную субъективно-эмоциональную картину художественного пространства в повести. Реалии Нового Света получают эмоциональную оценку лирической героини: «...Спросите: чем Нью-Йорк меня потряс? Заманчивым сверканием Бродвея? Смешеньем вер, и языков, и рас? Сквозными лабиринтами сабвея?» (Сулова, 2010, с. 12). Героиня эмоционально рефлексировала о культурной и исторической миссии Нового Света, поднимаясь к одическим высотам: «*Ветрами сплошь исхлестанный Нью-Йорк! – живи, как есть, и раем будь, и адом! Мне от тебя там много было надо... Ты дал мне все: и горечь, и восторг!..*» (Сулова, 2010, с. 13).

Заокеанское путешествие стало для Славки периодом воспоминаний, которые обретают свои очертания в двух уровнях повествования – реалистическом и фантазийном. Реалистический план сюжетного повествования представляет ретроспекцию драматической истории жизни сорокалетней героини по имени Славка. Приводя изречение американского ученого и мистика Друнвало Мельхисидека «Жизнь – это школа воспоминаний», автор погружается в далекий, смутно всплывающий в памяти мир Славкиного детства. Процесс погружения в воспоминания для Славки тревожен: «*Замирает озябшее сердце. Память крутит, спеша, фильмоскоп... Открывается в прошлое дверца – в перепутье исхоженных троп... Ну зачем я взяла на дорогу вместо легкой корзинки с едой ядовитую злую тревогу – пополам с беленой и бедой?... И шаманю в ночи этой волглой, раздувая костер своих чувств, – чтобы жили вы складно и долго, а у вас уж и я научусь...*» (Сулова, 2010, с. 15). Чувства лирической героини выражаются в русле поэтической традиции, прозвучавшей в строках позднего творческого периода С. Есенина:

*«Быть поэтом, это значит тоже,
Если правды жизни не нарушить,
Лупцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души».*

Литературоведы не ставят знак равенства между биографическим автором и лирическим героем, потому что чувства реального поэта получают субъективное, метафорически гиперболизированное воплощение в его творчестве. Однако эмоциональный фон жизненных коллизий биографического автора зачастую служит источником поэтического вдохновения, сублимируясь в творчестве. За маской лирического героя поэт одновременно скрывается и исповедуется. Художественные приемы лирического поэтического искусства построены на создании правдивой в чувственном плане истории, реальная канва жизни поэта скрывается за образом лирического героя, что не отменяет открытой исповедальности лирического переживания. Исповедь о событиях личной жизни, обретшая форму воспоминаний Славки, стала основным элементом сюжетного повествования произведения.

Исповедальная правдивость повествования манифестируется автором с самого начала потока воспоминаний о детстве в Киргизии. Отвергнув обычное заклинание многих и многих авторов тривиальных романов, мысленным эпиграфом к своим «путешествиям во времени» Славка поставила: «все совпадения не случайны, герои не вымышлены» (Сулова, 2010, с. 15).

Главная героиня Славка по нескончаемому ряду сходжений в характере, обстоятельствах биографии, совпадении исторического и пространственного континуума определяется как двойник автора. Согласно сюжету,

героиня реалистического нарратива повести дважды была на исповеди. Первый раз – пятилетняя, в Воскресенском Соборе города Фрунзе (узнаваемая и реалистичная топка, Воскресенский Собор и сегодня находится в Бишкеке, бывшем городе Фрунзе, на углу проспекта Жибек Жолу (Шелковый путь) и улицы Тоголока Молдо). И второй раз Славка оказалась на исповеди спустя сорок с лишним лет в небольшой Русской православной церкви, расположенной в переделанной квартире богатого еврея в престижном районе верхнего Манхэттена.

С реалистически детализированными подробностями возникают фрагменты детства Славки в Киргизии, картины жизни семьи в послевоенные годы изобилуют яркими, теплыми, радостными красками. Быстроногая юность, первое замужество в девятнадцать лет, студенческая жизнь, сын Антошка – эти эпизоды вспыхивают яркими фрагментами в воспоминаниях Славки. Образ Киргизии создается воспоминаниями детства: «огромные красные яблоки», «золотые медовые персики», «волшебник Иссык-Куль». Жизненная основа реалистического сюжета прослеживается в узнаваемых фамилиях сокурсников и товарищей по перу. Прототипы персонажей второго плана читаются «посвященными» современниками без затруднений. В образе писателя Егора Колосова изображен реальный биографический персонаж – поэт Евгений Колесников. Юный задор талантливого студента Мстислава Шалова иронично, в дружески-шаржированном варианте передает характерные черты прославленного мэтра русской литературы Вячеслава Шоповалова. Прототипом руководителя отдела поэзии журнала Степана Алексеевича Фирсина явился биографический образ патриарха русского поэтического слова в Киргизии Сергея Александровича Фиксина. Прославленный художник, классик кыргызского искусства живописи Семен Афанасьевич Чуйков изображен в повести под именем Семена Анастасьевича Чуткова.

Персонажи, входящие в орбиту личного жизненного пространства главной героини, также списаны с биографии Светланы Суловой-Токомбаевой. Ей удалось в нескольких эпизодах создать образ главы семьи, Аалы Токомбаева. Автору свойственно почтительное отношение к Ата, она не только сохранила, но и добавила новые эпизоды к легендарной биографии классика кыргызской национальной литературы, одного из первых профессиональных поэтов Кыргызстана. В образе Олега, ставшего третьим мужем Славки, просматривается исходный образец – писатель, редактор, критик, многолетний бессменный издатель журнала «Литературный Кыргызстан» Александр Иванович Иванов, со свойственными ему чертами благородного интеллекта и сдержанности. Славкина жизнь разворачивается на фоне прецедентных исторических событий, которые совершенно точно определяют хронотоп художественного текста как эпоху заката бакиевского правления: Белый дом пал, президент – убийца, в столице собираются толпы нищего обозленного народа. Сцены личных встреч с политическими лидерами Кыргызстана и России – Акаевым и Ельциным – создают документально достоверный исторический фон эпохи начала 1990-х годов (Сулова, 2010, с. 198).

Исторический фон служит местом развития автобиографического сюжета. Драматический разлад с богемным режиссером Нурланом, прототипом которого стал У. Токомбаев, второй муж С. Суловой, происходит на фоне развала СССР. В определении бывшего мужа она – «русская оккупантка», которая тяжело переживает переименования, отмену советского прошлого и возвращение многоженства. Славка отчаянно сопротивляется личностному угнетению, и после сцены избиения своим супругом (Сулова, 2010, с. 205), восприятие которой дается читателю на высоком уровне сопереживания и эмоционального протеста, она преодолевает трудный путь самоосмысления и духовного возрождения. Душа ее не отвергает прошлого, лирическое чувство выражено в поэтической вставке: «Азия моя быстроглазая! Ярость дней, бесчинство ночей... Навсегда люблю тебя, Азия, хоть совсем не знаю – зачем...» (Сулова, 2010, с. 250).

Обнаруженное в ходе аналитического рассмотрения текста повести созвучие имен, буквальное совпадение профессий и характерных черт современников демонстрируют автобиографический характер реалистической нарративной структуры повести, иллюстрирующей известные и малоизвестные широкому читателю факты биографии творческой личности в контексте времени, пространства и социума.

Повесть могла бы превратиться в заурядный тривиально-автобиографический роман «о времени и о себе», с пересказыванием мемуарных историй, узнаваемых для узкого круга знакомых и «посвященных» читателей, периодически освещаемый лирическими вставками поэтических строк. Однако автор создает глубокий психологический автопортрет, прослеживая диалектику души своей героини. Подступы к «внутреннему человеку», автопсихологизм возникают в тексте вместе с шокирующими, «постыдными» эпизодами воспоминаний Славки. Физиологически точные детали ненароком увиденной интимной сцены – «тощий мальчишеский зад», «из-под вспухших губ мерцают острые зубки», – автор будто впервые достает из памяти, рефлексировав уже во взрослом сознании.

«Низменная животная сторона интимного действия, увиденная Славкой в детстве, многое отравила в ее жизни» (Сулова, 2010, с. 39). Автор сравнивает свою героиню со стрекозой, которая всякий раз ускользает от протянутой к ней руки. Так и Славка, доведя любовные отношения до взлета, ускользала от их дальнейшего развития.

С целью выведения сюжета за пределы «вещного» реалистического хронотопа и в стремлении охарактеризовать драматические переживания автобиографической героини, С. Сулова включает второй план повествования, в котором возникает загадочный фантастический мир. Центральное место в нем принадлежит главной героине по имени Веста. Событийная линия жизни Весты дополняет «недосказанные» эпизоды, выпущенные из реалистического сюжета о Славке. Формально эти недосказанные эпизоды приходят к Славке во сне. Содержательное наполнение снов находит свою реализацию в фантастическом хронотопе. Сон – побег от реальности, где Славка ощущает пространство и время в состоянии рефлектирующего мятущегося самосознания: «Она уже знала, что сны, идущие из глубины сердца, и есть настоящая реальность, воплощенная в действительности...» (Сулова, 2010, с. 232).

Избегание реальности впервые в жизни героини возникает как адаптивная психологическая реакция на невозможность пережить стыд. Учительница не отпустила первоклассницу в туалет, и девочка, готовясь к роли Снегурочки, продолжила выполнять задание: «Читала, читала, не умолкая ни на минуту, даже когда предательская струйка побежала по чулкам <...> Снегурочка наша растаяла! <...> грянул дружный злорадный хохот всего класса!» (Суслова, 2010, с. 55). В температурном бреде ребенок оказывается в состоянии первого опыта отчуждения, отказа от принятия реальности. «В раскаленной от температуры голове тогда впервые возник тот звенящий вихрь, который перенес ее в бог знает какие времена, совсем в другую школу – на зеленый луг древности...» (Суслова, 2010, с. 55). Отвержение жестокости и несправедливости, горячечный бред – начало фантастических видений Славки, превращающейся в Весту в фантазийном мире.

Возникает тройственная связь – Автор-Славка-Веста. Раздвоенная личность героини, связанной с реальным биографическим автором множеством схождений, непрестанно ищет другие, совершенные возможности существования, продолжая преодолевать границы единственной реальности, которая иногда оказывается слишком тесной для реализации ее потенциала (Литинская, 2012). С. Суслова ищет новые художественные возможности, использует оригинальный кризисный прием, раздваивая личность своего лирического и одновременно биографического персонажа.

Вместе со своими двойниками – Славкой и Вестой – автор находится в постоянном состоянии «бегства» за пределы той действительности, в которой он существует.

Фантазия облекается в жизнеподобные образы, но набор художественных приемов в изображении сказочного мира отличается от законов реалистического искусства. Фантастический мир, прагматика которого настроена не на достоверность и логичность, а на условность допустимой выдумки, в современном научном дискурсе определяется термином «фэнтези». Мир фэнтези существует по законам антитезы ценностных категорий (Савина, 2020). Сказочная установка победы и торжества добра над злом является одним из обязательных элементов аксиологической концепции фэнтезийного текста. Категории добра и гармонии реализуются в новых, выдуманных, сфантазированных автором предметах и деталях, к примеру, у детей есть «урок математики из учения богини Яви» (Суслова, 2010, с. 54). Специфика фэнтезийного мира получила свое освещение в современных литературоведческих исследованиях. В частности, отмечается: «В отличие от научной фантастики или бытовой сказки, жанр фэнтези не пытается объяснить современный мир. Наоборот, он открывает собственный, выдуманный, идеальный мир, местоположение которого никогда не оговаривается конкретно: это может быть параллельная вселенная, другая галактика и др.» (Лулудова, 2019, с. 160).

Создавая мир Весты, автор использует характерный для фэнтезийной стилистики прием квазитерминологии: «чаромантия», «колография», «химназия», «казуальное тело», «колобродить», «обавь», «инпатия», «сарифан», «песинаги», «хазары», «химерийцы», «бесурманы», «колодавство». Использование архаичной лексики уводит читателя в смысловые ассоциации с далекими историческими временами, в которые живет Веста: вещие слова, берестяные свитки, алхимия, мантия, обереги, лицедейство, асуры. Имена персонажей также отличаются архаичной семантикой, затрудненно декодируемой в их славянских и древнегреческих корнях: «серый волхв Серафим», Веста, Чаробог. Эстетика старинных времен жизни Весты усиливается вместе с появлением фольклорных мотивов. Элементы фольклорных жанров просматриваются в фольклорном сюжете о трех невестках и трех братьях, в заговоре «Стань не тем, что есть, – воскресни; сам собой, живой, исчезни!..» (Суслова, 2010, с. 59).

Семантика заглавия раскрывается в мотиве полета «бренного тела», крошечного создания, организма, над миром. Право на полет – право свободы, дарованной всему живому, одушевленному, включая героиню. Полет, стремление ввысь, к идеальному, свободному миру, к правде, свету, любви – основная идея романа. Образ главной героини раскрывается приемом художественного параллелизма. Славка третьеклассница – Стрекоза в школьном спектакле, та самая, из басни Крылова. «Ты все пела – это дело, так поди же, попляши!», ей легко достаются слава, книги, деньги. Образ стрекозы – личностный вариант решения жизненных конфликтов героини. Бытовые сложности, тривиальная обыденность, слезы – это все было, но это не самое главное в ее жизни. Главное – духовный мир – мир мечты и поэзии. Композиционно мотив полета над миром присутствует в заглавии, в поэтических фрагментах текста, в метафизическом пространстве медитативных видений героини. «Славка медленно опустилась на пол посреди комнаты <...> пригласила всех в пространство сердца, неспешно уселась в позе лотоса, соединила пальцы рук в мудру «замкнутого круга», закрыла глаза <...> Славке казалось, что она летит в Великой Пустоте между мирами <...> К ней пришло странное ощущение, что она находится в самых различных местах, временах, эпохах <...> ее тело начало интенсивно расти и вытягиваться, меняя форму, как облако, гонимое ветром и солнечными лучами» (Суслова, 2010, с. 250-252). Эти миры объединены лирическим «Я» автора в поэтических вставках, присутствующих в тексте в формате закавыченного курсивного шрифта, без строфической разбивки. «*Странный зов прозвучал, нарастая, тонким вихрем, пронзающим тьму; словно божья струна золотая, что послушна ему одному, задрожала, взывая из выси, предвещающая заветную связь, – словно звезды роняя на листья, соловьиная трель пронеслась...*

И, не чувствуя бренного тела, устремляясь в поток огневой, понимаю: еще не взлетела, но уже попрощалась с собой...» (Суслова, 2010, с. 5). Поэтические вставки в повести стали пространством, где автор присутствует от первого лица, всегда только «Я».

Героиня осознает, что она – частичка мира, жизнь перетекает из одного состояния в другое, и эта энергия во всем живом и неживом – деревья, дома, реки, мосты, корабли... – все это она четко видит во время полета. «Нет у природы дел напрасных. Она не движима тоской, наживой, завистью и злобой... Она – гармония и риск.

<...> *Мы тоже, может, только проба. Но – не ошибка, не каприз...*» (Суслова, 2010, с. 253). Рецептивное сознание читателя выдает тютчевское: «Не то, что мните вы, природа: не слепок, не бездушный лик... В ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык...». Интертекстуальная отсылка к поэтическим строкам Ф. Тютчева, с присущими им космогоническими мотивами, выполняет функцию построения диалога с классическим текстом, в котором С. Суслова выступает в качестве продолжателя поэтической темы и традиции.

О значении человеческой деятельности, формирующей наш мир, роли Homo sapiens в судьбе народов, стран, материков размышлял академик В. И. Вернадский: «Ход истории пошел к объединению человечества, к ноосфере – к будущему единству человеческой организации как единой планетной действенной структуре» (1989, с. 242). Осознание всеобщности живой и неживой природы, приходит к героине как открытие-потрясение: «Беззаботное любопытство стрекозы уступило место отчаянию муравья в разоренном муравейнике» (Суслова, 2010, с. 253).

В отличие от тривиальных и ожидаемых заклинаний, повторяемых авторами романов – «все герои выдуманы, все совпадения случайны», – в обращении к читателю С. Суслова признает, что все события реальны, и более того, текст явился неким интуитивным предвидением, которое воплотилось в событиях, произошедших после его создания. «Рукопись не случайно пролежала в столе так долго. В ней по мере описания возникли столь немислимые события прошлого и будущего, что их восприятие даже у автора вызвало внутреннее сопротивление <...> сбылось многое, предсказанное в книге...» (Суслова, 2010, с. 2). В нарративе о событиях жизни своей героини автор философски концептуализирует события личной биографии, используя стилистический прием эскапизма. Эскапизм в повествовательной структуре повести получает свойственную искусству функцию типизации и узнаваемости в метафорических образах. С. Суслова использует в автобиографическом тексте прием арт-эскейпа, т. е. метафорического художественного пространства духовного мира героини.

Образность, предельная исповедальность повествования, которое автор ведет от третьего лица, постоянно перебивается поэтическими вставками в эпическое пространство повести голосом лирической героини – лирического «Я», который и становится центром мировоззренческой аксиологии автора-повествователя. В лирическом «Я» поэтических вставок повести сконцентрирован модус триединства «автор-герой-повествователь», репрезентирующего творческую личность С. Сусловой. Единственное событие, которое не состоялось, автор гипотетически предвидит в отражении духовной биографии Славки, оказавшейся в пятом измерении: «Всюду, куда бы она ни устремила взгляд, она видела занятых творением нового мира своих многочисленных детей». Она «узнавала в них всех, кого она любила, и всех, кого ей еще только предстоит полюбить» (Суслова, 2010, с. 252). Это пятое измерение, в котором люди воедино создают гармоничный мир. Погружение в пятое измерение – озарение и предвидение Славки-двойника автора.

В духовном манифесте, венчающем финал повести, автор напрямую обращается к рецептивному сознанию читателя. «Время пульсирует, чтобы дать людям осмыслить пережитый жизненный опыт и вернуться с этим знанием домой...». Героиня возвращается домой с новым пониманием себя, своего мира, «*в родимую судьбу, что с жизнью не кончается одною*» (Суслова, 2010, с. 257). Мир, объединенный гармонией новой энергии, где вся живая и неживая природа едины в потоке созидания, – это событие будущего, оно еще не состоялось. Наступление гармоничного мира еще не пришло, но это время наступит, предвидение этого события анонсировано в обращении «К читателю»: «Точной даты нет, но интуиция торопит с оглашением <...> Главное – не проглядеть грядущего, иначе оно не станет Настоящим! С почтением – автор. 31 мая 2010 г.». Главная идея повести раскрывается в формуле «жизнь – это путь к себе, познание себя, созидание мира вокруг себя».

Диалог автора-повествователя с художественным миром текста, воссозданного по мотивам ее собственной автобиографии, разрешается в финале повести личностным концептуальным манифестом всемирной любви: «Пусть я что-то не поняла... не приняла <...> надо постараться – всем вместе <...> воссоздать свой мир без лжи, без злобы и зависти, без <...> страхов <...> Ключ к преображению один – любовь! *Обавь...*» (Суслова, 2010, с. 253).

Уход от реальности, выразившийся в побеге от сложностей судьбы в мир искусства, творчества, позволил автору сформировать целостную картину мира, где переплетены автобиографические сюжеты и фантазия, выполняющая функцию адаптивного метода принятия и осмысления действительности.

Заключение

Таким образом, основываясь на результатах проведенного исследования, мы приходим к следующим выводам. Прием эскапизма в повести С. Сусловой «Предрассветный полет стрекозы» выполняет двойную и двойственную функцию. В первую очередь, эскапизм, воплотившийся в центральный метод создания художественного мира повести – арт-эскейп, стал решением проблем формирования личностной концепции автора, способом создания собственного авторского мифа о себе. Эта функциональная направленность арт-эскейпа реализовалась в возможности автора осмыслить, адаптировать и принять события собственной жизни, воплотив задачу аутомифологизации своей личности. Другая функциональная направленность арт-эскейпа, направленная на создание идеального фантастического мира, как одного из центральных художественных приемов, послужила художественным приемом и основой криэйтерской стратегии.

В качестве перспектив дальнейшего развития исследования по заявленной проблематике можно обозначить всестороннее аналитическое изучение современной русской литературы Кыргызстана в аспекте формирования целостной характеристики ее ключевых стилистических тенденций и индивидуально-авторских стратегий творчества отдельных писателей.

Источники | References

1. Белов В. И. Эскапизм: причины, функции и границы // Инновационная наука. 2017. Т. 1. № 3.
2. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989.
3. Дружинин В. Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. СПб.: Питер, 2010.
4. Каплун М. В. Принципы конструирования феминности в повести О. П. Руновой «Лунный свет» // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8. № 3.
5. Литинская Д. Г. Типы современного эскапизма и феномен экзистенциального эскапизма // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 1.
6. Лулудова Е. М. Сказочность фэнтези: специфика соотношения жанровых элементов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 11.
7. Савина М. С. Приемы жанра фэнтези в прозе А. Хегая // Вестник Высшей аттестационной комиссии Кыргызской Республики «Научные исследования в Кыргызской Республике». 2020. № 2.
8. Толкиен Дж. Р. Р. О волшебных сказках / пер. с англ. С. Кошелева // Толкиен Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно. Приключения Тома Бомбадила и другие истории / пер. с англ. СПб.: Азбука-классика, 2003.
9. Труфанова Е. О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. № 3.
10. Фусу Л. И. Сублимация обстоятельств жизни философов в утопическом дискурсе // Язык. Словесность. Культура. 2020. Т. 10. № 3.
11. Цветкова О. Л. Эскапизм и травматический опыт: диалектика взаимодействия // Энергия травмы. Сборник научных статей XIX международной научной конференции «Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики» (г. Гродно, 22-24 сентября 2022 г.). Гродно, 2023.

Финансирование | Funding

RU Публикация подготовлена в рамках научного проекта «Жанрово-стилевые тенденции современной русской и русскоязычной литературы Кыргызстана».

EN The reported study was carried out within the framework of the research project “Genre and style trends in contemporary Russian and Russian-language literature of Kyrgyzstan”.

Информация об авторах | Author information

RU **Савина Мария Сергеевна¹**, к. филол. н.
¹ Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, г. Бишкек, Кыргызская Республика

EN **Mariia Sergeevna Savina¹**, PhD
¹ Kyrgyz Russian Slavic University named after First President of Russia B. N. Yeltsin, Bishkek, Republic of Kyrgyzstan

¹ savina-maria@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.09.2024; опубликовано online (published online): 16.10.2024.

Ключевые слова (keywords): мемуарно-биографическая проза; повесть С. Суловой; русскоязычная литература Кыргызстана; прием художественного эскапизма; аутомифологизация личности; memoir-biographical prose; novella by S. Suslova; Russian-language literature of Kyrgyzstan; artistic escapism; self-mythologization.